

3. Колядко И. Н. Основные направления реформы Гражданского и хозяйственного судопроизводства в Республике Беларусь и других странах СНГ / Колядко И. Н. / Промышленно-торговое право. 2002. № 3. С. 91-102.

4. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР / Белова Т. А., Брежнева Ж. Д., Колядко И. Н. и др. ; Под общ. ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Мн. : Беларусь, 1989. 542 с.

5. Романова О. Н. Понятие, сущность и основные проблемы правового регулирования международной подсудности / О. Н. Романова // Право. 2017. - № 1 С. 69-77

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В. П. Скобелев

*заместитель декана по заочному обучению юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
s_v_p@tut.by*

В статье исследуется вопрос о соотношении юридической силы декретов, указов и процессуальных кодексов. Автор показывает, что в настоящее время декреты и указы имеют приоритет над процессуальными кодексами, но это соотношение не всегда имеет позитивный характер.

Ключевые слова: *цивилистический процесс; декрет; указ; кодекс.*

NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE HEAD OF STATE AS SOURCES OF REGULATION OF THE CIVIL PROCESS

V. P. Skobelev

*Deputy Dean for Distance Learning of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leninskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
s_v_p@tut.by*

The article examines the issue of the relationship between the legal force of decrees, decrees and procedural codes. The author shows that currently decrees and decrees have priority over procedural codes, but this ratio is not always positive.

Key words: *civil process; decree; edict; code.*

Цивилистический процесс (т. е. гражданское и хозяйственное судопроизводство), как и любые иные области общественных отношений, нуждаются в ясной, непротиворечивой и иерархичной системе источников права. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА 2018 г.) определенные шаги в этом направлении сделал. Прежде всего Закон о НПА 2018 г. внес окончательную определенность в вопросе о том, как соотносятся друг с другом по юридической силе законы (в том числе кодифицированные) и нормативные правовые акты Главы государства. Норма п. 2 ст. 23 Закона о НПА 2018 г. гласит, что «в случае расхождения декрета или указа Президента Республики Беларусь с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа Президента Республики Беларусь были предоставлены законом. Такие полномочия должны быть оформлены в заключительных положениях закона».

Принципиально новым моментом здесь, по сравнению с аналогичной нормой ч. 3 ст. 137 Конституции Республики Беларусь и ч. 3 ст. 10 Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. №361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о НПА 2000 г.), является фраза «такие полномочия должны быть оформлены в заключительных положениях закона». Поскольку в заключительных положениях законов обычно упоминается не Президент Республики Беларусь, а Правительство (ему даются поручения по обеспечению приведения актов законодательства в соответствие с тем или иным законом, предоставляются полномочия по принятию собственных нормативных правовых актов и т. д.), то не будет ошибкой сделать вывод общего плана: декреты и указы Главы государства теперь всегда будут иметь верховенство над законами.

Правда, остается открытым вопрос (поскольку Закон о НПА 2018 г. по смыслу его ст. 66, главы 10 не имеет обратной силы), каким образом полномочия на издание декретов и указов должны были оформляться в законах (в том числе кодексах), принятых до начала действия Закона о НПА 2018 г., и, соответственно, в каких случаях декреты и указы (как ранее изданные, так и новые) обладают перед такими законами преимуществом. Хотя, например, у самих разработчиков декретов (указов) решение данного вопроса сомнений не вызывало и зачастую непосредственно в сам текст декретов (указов) ими включалась формулировка, свидетельствующая о безоговорочном верховенстве декретов (указов) над законами: «до приведения актов законодательства в соответствие с настоящим Декретом (Указом) они применяются (или действуют) в части, не противоречащей настоящему Декрету (Указу)» (см., например, п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. №320 «О некоторых вопросах урегулирования коллективных трудовых споров»). И, как показывала практика, эта формулировка правоприменительными органами неукоснительно соблюдалась.

Безусловно, можно немало дискутировать о том, насколько новелла п. 2 ст. 23 Закона о НПА 2018 г. (равно как и сложившийся до Закона о НПА 2018 г. в практике нормотворчества и правоприменения подход к соотношению законов и декретов, указов) с теоретической точки зрения является удачной и правильной, но один несомненно положительный момент все же в ней есть: решение законодателя вносит полную определенность в иерархию названных нормативных правовых актов, а такая определенность в сфере цивилистического судопроизводства очень важна, поскольку нередко нормативные правовые акты Главы государства предусматривают положения, расходящиеся с содержанием норм ГПК и ХПК.

Так, Декрет Президента от 5 марта 1999 г. №9 «О вступлении в силу Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь» фактически отменил действие ст. 562 ГПК (она определяла моментом вступления ГПК в силу день его официального опубликования), т. к. установил, что ГПК начинает действовать с 1 июля 1999 г. Декретом Президента от 12 марта 2003 г. №9 «О совершенствовании хозяйственного судопроизводства» был значительно расширен перечень требований, которые могли разрешаться по правилам ХПК в приказном производстве, а также введены правила о составлении хозяйственными судами мотивировочной части решения лишь по ограниченному числу категорий экономических дел (впоследствии эти новеллы были имплементированы в новую редакцию ХПК).

Нормативными правовыми актами Главы государства также были фактически скорректированы (пока не были приняты законы о внесении соответствующих изменений и дополнений в процессуальное законодательство): положения ХПК о наименовании, структуре и компетенции судебных органов хозяйственной юрисдикции (Декрет Президента от 29 ноября 2013 г. №6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», Указ Президента от 29 ноября 2013 г. №529 «О некоторых вопросах деятельности судов Республики Беларусь»); правила ГПК и ХПК о порядке

организации и ведения исполнительного производства (Указ Президента от 29 ноября 2013 г. №530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов»); нормы ГПК, а затем и ХПК о категориях требований, подлежащих разрешению в приказном производстве (Указ Президента от 11 августа 2011 г. №366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности»).

Изложенное с очевидностью говорит о том, что нормативные правовые акты Главы государства должны входить в число источников регулирования цивилистического процесса. В ХПК данное положение в полном объеме учтено: ч. 1 ст. 5 ХПК предусматривает, что судопроизводство в судах экономической компетенции регламентируется в том числе декретами и указами Президента Республики Беларусь, а почти все содержащиеся в тексте ХПК бланкетные нормы (абз. 7, 20 ст. 1, ст. 2, ч. 1-3 ст. 6, абз. 4, 5, 8 ч. 1 ст. 7, ст. 13 и др.) оперируют выражением «законодательные акты», которое всегда охватывало собой также декреты и указы (см. определение этого термина в абз. 6 ст. 1 Закона о НПА 2000 г., п. 5 ст. 2 Закона о НПА 2018 г.). Норма ст. 2 ГПК также включает декреты и указы Президента в состав законодательства о гражданском судопроизводстве, правда, не прямо, а через ссылку на то, что судопроизводство по гражданским делам помимо Конституции, ГПК регулируется «и другими законодательными актами Республики Беларусь». В то же время имеющиеся в ГПК бланкетные нормы очень часто используют термин «законы» (п. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 23, ч. 1 ст. 58, ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 86 и др.), что в ряде случаев приводит к ничем не оправданным коллизиям с нормативными правовыми актами Главы государства.

Например, ч. 15 ст. 47 ГПК допускает возможность установления правил альтернативной подсудности другими законами Республики Беларусь. Между тем именно Декретом Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (ч. 1 п. 11) было разрешено предъявление исков о взыскании расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении, также по месту нахождения детей на государственном обеспечении. Норма ч. 4 ст. 47 ГПК была дополнена таким положением лишь Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. №315-3.

Далее, согласно ч. 2 ст. 361 ГПК в порядке особого производства другие дела рассматриваются в случаях, предусмотренных законами Республики Беларусь. Но одна из категорий таких дел совсем не так давно была предусмотрена нормативным правовым актом Главы государства. Так, Указом Президента от 25 августа 2016 г. №319 «О внесении дополнений и изменений в указы Президента Республики Беларусь» (в той части, в которой он касался корректировки Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента от 10 января 2005 г. №9) было закреплено, что в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения дел особого производства, подлежат рассмотрению дела об ограничении физических лиц в посещении игорных заведений и участии в азартных играх. Причем несмотря на то, что эти положения вступили в силу спустя год после официального опубликования названного Указа (с 28 августа 2017 г.), соответствующими правилами ГПК был дополнен только в январе 2018 г. (см. Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. №94-3).

По смыслу п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК в порядке приказного производства допустимо разрешение лишь требований, перечисленных в ч. 1 ст. 394 ГПК, в противном случае судья должен отказать в принятии заявления о возбуждении приказного производства. Однако нередко перечень гражданских дел приказного производства расширяется нормативными правовыми актами Главы государства, которые, как мы уже отметили выше, имеют приоритет перед ГПК. Так, Декрет Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях»

впервые предусмотрел взыскание в приказном производстве (при соблюдении некоторых условий) расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении, с обязанных лиц (сейчас эта норма находится в ч. 5 п. 9 данного Декрета). В ч. 1 ст. 394 ГПК соответствующий новый пункт был включен спустя достаточно длительное время – Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. №315-З. Декрет Президента от 7 декабря 2012 г. №9 «О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей промышленности» санкционировал возможность взыскания в порядке приказного производства сумм ежемесячных выплат (за ухудшение правового положения в связи с ограничениями на расторжение трудового контракта) с бывших работников предприятий, производящих продукцию деревообработки, контракты с которыми были расторгнуты по инициативе нанимателя либо по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (подп. 1. 5, 1. 6 п. 1). Нормы ГПК так и не успели привести в соответствие с этим Декретом (Указом Президента от 27 мая 2016 г. №182 он был признан утратившим силу).

Полагаем, что присутствующие в ГПК бланкетные нормы должны учитывать возможность регламентации тех или иных вопросов не только законами, но и нормативными правовыми актами Главы государства, а потому используемый в этих нормах термин «законы» целесообразно заменить на «законодательные акты» или, как вариант, на «законодательство» (кстати, сам ГПК в этом плане не отличается последовательностью и в одних случаях указывает на законодательные акты (ч. 5 ст. 6, абз. 6 ст. 8, ст. 9, ч. 2 ст. 18 и пр.), в других – на законодательство (абз. 6 ст. 7, ст. 57-1, ч. 1 ст. 59, ч. 2 ст. 70 и т. д.) или акты законодательства (ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 25, п. 1 ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 38 и др.), что, вероятно, вряд ли можно отнести к позитивным моментам правового регулирования). То же самое следует констатировать и в отношении отсылочных норм ГПК, в частности таких, как, например, п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК, в связи с чем подобные отсылочные нормы имело бы смысл преобразовать в бланкетные или комбинированные отсылочно-бланкетные нормы (тогда п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК мог бы иметь такую редакцию: «заявленное требование не предусмотрено статьей 394 настоящего Кодекса, а также иными законодательными актами Республики Беларусь»).

Вместе с тем стоит заметить, что верховенство декретов и указов над процессуальными кодексами не во всех случаях себя оправдывает, поскольку иногда в нормативные правовые акты Главы государства попадают и сохраняются там в течение длительного времени заведомо ошибочные процессуальные нормы. Например, в ч. 5 п. 167 Положения о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента от 10 ноября 2011 г. №518, говорится, что жалоба (имеется в виду надзорная жалоба), поданная по истечении трех лет с даты вступления в законную силу решения суда об отказе в восстановлении в должности, специальном звании, на службе, рассмотрению не подлежит (фактически эта норма воспроизводит предписание, которое до января 2020 г. содержалось в ч. 5 ст. 242 ТК). Идентичная норма закреплена и в ряде других нормативных правовых актов Президента, регулирующих прохождение службы в аналогичного рода госструктурах.

Однако подобную норму не было никакой потребности включать в нормативные правовые акты Главы государства, поскольку порядок и условия подачи надзорных жалоб составляют предмет регулирования главы 33 ГПК, причем в главе 33 ГПК эти вопросы регламентированы, особенно после изложения данной главы в новой редакции Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. №94-З, совершенно иначе (не случайно поэтому предписание ч. 5 ст. 242 ТК было исключено). Так, теперь срок подачи надзорной жалобы составляет один год со дня вступления решения в законную силу (ч. 4 ст. 436 ГПК), пропуск же данного срока исключает рассмотрение надзорной жалобы в отношении абсолютно любого судебного решения, а не только того, которым заявленные требования были отклонены, кроме случая подачи надзорной жалобы ответчиком на судебное постановление, вынесенное в его отсутствие без своевременного и

надлежащего извещения о времени и месте рассмотрения дела, при условии, что дело не уничтожено в связи с истечением срока его хранения (ч. 5 ст. 436 ГПК).

В других случаях на уровне нормативных правовых актов Главы государства получают закрепление положения, которые хотя и не противоречат напрямую ГПК и ХПК, но которые заведомо невозможно реализовать с учетом требований действующих процессуальных кодексов. Например, в ч. 6 преамбулы Послания о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. №454, закреплена установка: «Выносимые решения должны быть понятны не только юристам, но и самым широким слоям населения». Но решения судов должны быть юридически обоснованы, т. е. содержать специальные правовые термины, правовые конструкции и т. д., которые «широким слоям населения» ввиду отсутствия у них юридического образования быть понятны априори не могут. Кроме того, согласно ст. 112, 305 ГПК и ст. 193 ХПК судебные решения по общему правилу выносятся без мотивировочной части, а это еще одно препятствие для того, чтобы обеспечить их понятность «самым широким слоям населения».

Но бывают и обратные ситуации, когда несмотря на бóльшую юридическую силу нормативный правовой акт Президента (содержащий совершенно правильные положения) так и не получает фактического превосходства над процессуальным кодексом. В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Подпункт 49. 2 п. 49 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. №205, в императивной форме предписал предусмотреть возможность обжалования (опротестования) решений Верховного Суда Республики Беларусь, вынесенных им по первой инстанции, а также унифицировать регулирующие сходные процессуальные отношения нормы ГПК и ХПК. Ни того, ни другого сделано не было, и это несмотря на то, что с момента одобрения названной Концепции ХПК был полностью изложен в новой редакции, равно как новую редакцию получил и раздел VIII ГПК, посвященный пересмотру судебных постановлений.

ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О. А. Хотько

*доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского
государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
o.a.khatsko@gmail.com*

В статье представлены концептуальные подходы к формированию нового направления в науке экологического права, касающегося инновационного развития технологий с учетом обеспечения экологической безопасности, и обоснована целесообразность его развития как в Республике Беларусь, так и на международном уровне. Сделан вывод о необходимости совершенствования экологического законодательства в данной области.

Ключевые слова: экологическое право; эколого-безопасное развитие; законодательство; инновации; технологии.